

Выступление Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Кирилла в Киево-Печерской Лавре на встрече с архиереями, духовенством, монашествующими, мирянами, преподавателями и студентами Киевской Духовной академии

29 июля 2009 года в Трапезном храме Успенской Киево-Печерской Лавры состоялась встреча с архиереями, духовенством, монашествующими, мирянами, преподавателями и студентами Киевской Духовной академии и православной интеллигенцией.

Ректор Киевской Духовной академии архиепископ Бориспольский Антоний открыл встречу сообщением о присуждении Предстоятелю Русской Православной Церкви степени доктора богословия Киевской Духовной академии. Он рассказал о вкладе Святейшего Патриарха Кирилла в развитие богословской науки, подчеркнув значительность этого вклада, перечислил его книги и публикации.

Владыка Антоний также огласил диплом о присуждении Предстоятелю Русской Православной Церкви степени доктора богословия: «Во внимание к выдающимся трудам в области богословия, а также в знак глубочайшего уважения к Первосвятительскому служению во благо святой Православной Церкви Ученый совет Киевской Духовной академии данным Дипломом имеет честь засвидетельствовать присвоение Его Святейшеству Святейшему Патриарху Московскому и всея Руси Кириллу ученой степени доктора богословия. Заседание Ученого совета от 10 июня 2009 года. Постановление Ученого совета Киевской Духовной академии утверждено Его Блаженством Блаженнейшим митрополитом Киевским и всея Украины Владимиром»

После вручения знаков и Диплома о присвоении степени доктора богословия Святейший Патриарх Московский и всея Руси Кирилл выступил перед собравшимися со словом.

Я с глубокой благодарностью принял знаки и Диплом доктора богословия прославленной Киевской Духовной академии. Для меня академическая среда является родной. Десять лет я был ректором Ленинградской Духовной академии, преподавал, занимался научной работой и, вспоминая свой жизненный путь, могу сказать, что это были самые счастливые годы моей жизни. Церковно-академическая среда обладает совершенно уникальными характеристиками, которые способны воздействовать на формирование человеческой личности так, как, может быть, ни одна другая среда.

С одной стороны, школа – это место интеллектуального поиска, это место, где человек мыслит, получает информацию, и на основе этой информации создаются идеи, представления, образы, которые возвышают дух человека, формируют его сознание. Это замечательное время. Я хотел бы обратиться ко всем студентам, которые сейчас меня слышат: помните, что это действительно лучшее время в том смысле, что никаких других обязательств у человека, который учится, практически нет. Есть только одно обязательство – работать над самим собой. Вся последующая жизнь будет связана с тем, что вы будете тратить свои силы, энергию, знания. Дай Бог, чтобы жизнь сложилась так, чтобы можно было восполнять эти внутренние силы, энергию и знания, но ведь бывает так, что мы находимся в ситуации, когда восполнять невозможно. Поэтому именно в студенческие годы формируется капитал, который работает всю жизнь, принося проценты. И, наверное, самое лучшее вложение, которое может сделать человек для себя – это вложение в образование.

В наше время, которое называется информационной эпохой, образование и информация становятся огромной силой воздействия на межличностные отношения, на общественные процессы. И потому Церковь, соприкасаясь своей земной стороной с миром, в первую очередь – на стыке церковно-общественных и церковно-государственных отношений, использует силу слова. А слово становится убедительным тогда, когда образованное общество проявляет интерес к этому слову. Вот почему нужно получать хорошее образование, постоянно работать над собой, и в этом смысле время обучения в академии имеет совершенно особое значение для человека.

Но есть и второе измерение академической жизни – ее духовная составляющая. В университетах люди тоже учатся, в институтах учатся, но в Духовной школе – совершенно особое обучение, потому что в основе жизни верующего человека лежит религиозный опыт. Можно прочитать много умных и полезных книг, но если у человека не сформировался свой собственный религиозный опыт, он не сможет быть эффективным в служении Церкви, его слово не будет убедительным, потому что если священник, даже получивший академическое образование, не имеет собственного глубокого внутреннего религиозного опыта, он будет говорить людям в проповедях не свои, а чужие мысли, он будет просто пересказывать то, что выучил. И народ это чувствует. Самое сильное слово – то, которое преломляет, отражает внутренний духовный мир проповедника. Вот почему духовное воспитание в академии и семинарии чрезвычайно важно.

Я думаю, что на этом пути у нас много проблем, и не только в Киевских, но и в других школах Русской Церкви. Сейчас нужно понять, что требуются новые подходы к современной молодежи, в том числе приходящей в храмы и в наши школы. Нужно максимально приблизить к ним нашу православную традицию, сделать ее понятной, а через внутренний религиозный опыт эта традиция должна стать живой для каждого, кто учится в такой школе.

В любом человеческом общежитии, будь то школьное общежитие или государственное общежитие, нужна дисциплина; везде должны быть законы, потому что если два человека живут в одной комнате и один любит спать с открытой форточкой, а другой – с закрытой, и нет регулирующих их отношения законов и дисциплины, то даже это разномыслие может породить глубокие конфликты. А что говорить о более серьезных конфликтах? Поэтому я сторонник того, чтобы жизнь школы основывалась на конкретных законах, на порядках, на правилах, и чтобы эти правила выполнялись.

Но дисциплина регулирует лишь внешнюю жизнь школы, а внутреннее духовное становление с дисциплиной не связано. Дисциплина помогает нам быть вместе в одном коллективе, каждому на своем месте решать задачи, которые перед нами стоят. А вот созидание внутреннего человека требует совсем иных усилий.

Я придаю огромное значение созиданию внутреннего человека, в первую очередь – в наших Духовных школах. Думаю, что очень важно развивать в наших студентах стремление к литургической жизни, чтобы наши студенты сердцем, а не только умом воспринимали то, что происходит в храме. Литургическая жизнь должна стать неотъемлемой частью жизни человека и его очень сильной потребностью.

В первую очередь это должно касаться Евхаристии. Мне кажется, что духовническая работа, исповедь, причащение Святых Христовых Тайн – это то, что должно быть в центре нашей академической духовной жизни. Поэтому во сегодня во много раз возрастают требования к духовникам в Духовных школах. Духовники должны понимать молодых людей, отвечать им сердечной, отеческой любовью, вникать в их проблемы. Если духовник вовлекается во внутреннюю жизнь студента или воспитанника и становится его путеводителем, наставником, то такой контакт во многом определит духовный строй этого студента. Поэтому духовническая работа, активная литургическая жизнь должны быть в центре нашего академического бытия. И тогда, сопрягая интеллектуальное с духовным, мы на выходе можем иметь замечательное явление – современного мыслящего, образованного человека с сильным внутренним религиозным опытом. Я думаю, что Церкви, вступившей в XXI век и несущей колоссальную ответственность за духовную жизнь народа, необходимо иметь таких пастырей.

Я хотел бы сказать несколько слов о пастырстве в современных условиях. Собственно говоря, пастырь должен быть пастырем всегда – и тысячу лет тому назад, и сейчас, и, если Господь потерпит нас и род человеческий, еще через тысячу лет. Ничего не изменится, потому что предназначение пастыря всегда одно и то же – он должен вести человека к Богу. И поэтому природа пастырства и сегодня, и в прошлом, и в будущем – одна, а вот средства проявления

пастырской ответственности могут быть разными.

Совершенно очевидно, что в традиции Русской Православной Церкви приход – это место, куда люди приходят. В старые времена, когда почти 100 процентов людей в стране были верующими, пастырская задача заключалась в том, чтобы строить храмы в шаговой доступности – транспорта не было, переезды на дальние расстояния требовали сил и времени, поэтому главная задача заключалась в том, чтобы в шаговой доступности строить храмы. У этих храмов должны были быть колокола. Колокол звонил, двери храма открывались и люди приходили – никаких усилий не требовалось, чтобы они пришли в храм. Это было естественно; потому наши общины и получили название приходов. Ни в одном языке слово «приход» не тождественно слову «община», только в нашем с вами языке, и это отражает нашу историю, нашу традицию, высочайший уровень религиозности. Никого никуда не надо было приглашать, все шли сами, нужно было только храмы строить. Вот почему в центре наших старинных городов много храмов. Поражаешься, как много храмов в старой Москве, хотя многие были уничтожены. А такие города как Суздаль, Вязьма... Зачем же нужно было столько храмов? Да потому что все были верующие и не хотели толкаться, а хотели прийти и помолиться, и храм должен был быть рядом с домом.

Теперь все изменилось, сегодня у нас с вами много верующих, но уже не так много, как было раньше. Значительная часть людей, особенно интеллигенции, прошедших через эпоху позитивизма и материализма, еще не пришла к ясному убеждению, что храм Божий – это самое главное место на земле. Кроме того, есть много соблазнов, много других притягательных центров – центров досуга, центров торговли. Современные огромные супермаркеты, коммерческие центры, где вы и покушать можете, и купить что-то, и с горок покататься, и с детишками поразвлекаться – вот такие «храмы» XXI века, которые тоже строятся почти в шаговой доступности. Больше всего, по крайней мере, в Москве, было построено именно таких коммерческих центров. Люди туда идут в воскресенье, в субботу. Такой секулярный «храм» – место развлечения: можно что-то купить, удовлетворить свои потребности, посидеть, выпить, закусить, и не надо никуда уходить – все под одной крышей.

Поэтому сегодня мы должны думать о том, чтобы люди пришли в храм. Приход людей в храм перестает быть чем-то предопределенным. Для того, чтобы люди пришли, надо выйти к ним навстречу – вдруг они мимо храма идут по улице и не хотят поворачивать. Когда я говорю «выйти навстречу», я имею в виду не просто выйти из двери и встать поперек улицы. Церковь должна выйти навстречу миру, навстречу обществу, она должна научиться говорить с людьми на их языке, она должна обострить в сознании современного человека принципиальную важность того, что мы называем духовным измерением жизни.

Все охают и ахают по поводу кризиса, который сейчас разразился, а мне кажется, что этот кризис

может помочь людям. Слишком много в последнее время стали возлагать надежд на маммону – деньги как синоним счастья, деньги как синоним благополучия... Имеешь деньги – имеешь все: свободу, власть, удовольствие, возможность наслаждаться всем, чем ты хочешь наслаждаться. Вот эта иллюзия полной автономии от Бога, от других людей возникает на волне повышенного потребления, повышенных материальных возможностей. Сегодняшний кризис помогает понять, что это иллюзия, что не все так просто. Этот образ современного счастливого человека – мираж. Никто толком понять не может, как этот кризис возник. Где-то в каких-то американских компаниях не хватило денег, и вдруг вся экономика мира начинает валиться как карточный домик! При чем тут американские ипотечные компании и, допустим, центральный рынок в Киеве? А вдруг оказывается, что все связано.

Поэтому сейчас очень важный момент – мы должны говорить миру Божью правду так, чтобы эта Божия правда была услышана. Но для этого нужно научиться так говорить, а наш язык бывает очень заскорузлым, мы до сих пор предпочитаем говорить схоластическими схемами: и в проповеди, и общаясь с людьми. Я однажды случайно услышал разговор одного монаха с интеллигентной женщиной на территории Данилова монастыря. Я тогда еще не был Патриархом, в подряснике и пальто прогуливался и увидел, что такой упитанный розовощекий отец игумен стоит и с кем-то разговаривает. К нему подходит женщина средних лет, интеллигентная, с большим уважением обращается к отцу игумену и задает ему очень серьезный вопрос, касающийся ее собственной жизни. Отец игумен сверху вниз посмотрел на нее и говорит: «Ты, раба Божия, отойди вот туда и подожди, пока я освобожусь, а потом я тебе, может быть, отвечу». Меня так взволновал этот ответ игумена, что я подошел к нему и спросил: «Почему ты называешь эту женщину на «ты»? Почему ты не мог ей ответить сразу? А ты не думаешь, что она никогда тебя в этом месте ждать не будет, потому что ты ей больше не интересен?». Бывает и так, что человек подходит с вопросом, а мы начинаем ему схемами отвечать, очень простыми схемами, которые не достигают ума и сердца, потому что у нас самих нет ответа на эти вопросы. У нас есть что-то из учебников, а учебники писались в прошлом, они были рассчитаны на то время, когда был приход, когда все в храм приходили. А собственного понимания проблем нет, потому что в школе мы не учились сопрягать богословие с жизнью, святых отцов с жизнью.

Самое главное, что мы должны сделать – оживить наше богословие, вывести его из тени исключительно интеллектуального дискурса, сделать его частью нашей жизни, пастырской жизни, пастырской работы так, как это было у святых отцов. Нужно научиться по-новому отцов читать. Для того, чтобы вообще хорошо понимать отцов, нужно знать историю, культурный контекст, в котором они писали. Когда начинаешь сравнивать политическую, культурную, философскую ситуацию времен Иоанна Златоуста с тем, что имеет место сейчас, то думаешь: так почти ничего не меняется! Насколько Златоуст современен! Но если вы будете просто читать народу Златоуста, мало будет пользы; а если его методологию, его идеи, которые родились из того самого

исторического контекста, вы проведете через свое сознание, то все, что говорил Златоуст, станет абсолютно понятным современному человеку.

Я думаю, что это самый главный тезис. Богословие должно вдохновлять пастырское слово. Когда я был ректором семинарии, то, помню, был такой разговор с группой студентов: я настаивал, что учащимся необходимы иностранные языки, чтобы был доступ не только к русской богословской литературе. И получил такую реплику от одного студента: «Зачем Вы нам все это говорите? Мы что, с нашими бабками будем по-английски говорить? И зачем все это богословие, надо научиться служить проповедовать». У этого человека была какая-то своя правда, он в богословии не видел необходимости. Кстати, это проблема не только недавнего прошлого – вспомните попытки царя Петра I учить российских недорослей. Не хотели в школу идти, смысла не видели, потому что богословие было очень схематичным, схоластическим и реально не связанным с жизнью. Вот сегодня соединение богословия с жизнью является огромной задачей Церкви.

Поскольку я, выступая после вручения докторского диплома, должен и о богословии говорить, не только о церковной практике, я хотел бы перейти к богословской части своего выступления и оттолкнуться от того, что только что сказал. Нам нужно научиться сопрягать богословие с жизнью и учиться у святых отцов. Какой первый урок нам дают святые отцы как ученые богословы? Они дают замечательный урок того, как богословие может и должно использовать достижения светского разума. Если вы читаете отцов-капподокийцев, вам может казаться, что идеи платонизма и неоплатонизма вошли в сознание капподокийцев. Некоторые говорят — нет ничего нового у капподокийцев, это просто заимствование платонистических идей, перенесение языческой философии на христианскую почву. Но так говорят только люди близорукие, не видящие смысла того, что происходило в ту эпоху. Святые отцы сумели использовать светскую ученость, светскую методологию, даже светские языческие категории философского мышления для того, чтобы выразить христианские идеи. И то, что сказано ими о Святой Троице, то, что живет уже на протяжении двух тысяч лет и привлекает своей силой, было сформулировано именно таким образом. Не заимствовались и не пересаживались на христианскую почву идеи. Заимствовался инструментарий, посредством которого выражались глубочайшие истины христианства.

Теперь позвольте перейти к тому, что я считаю самым опасным в развитии современного богословия. Мысль об этих опасностях начала беспокоить меня в конце 90-х годов. Мне в силу своей должности приходилось много путешествовать, я принимал участие в разных диалогах с неправославными, старался понять, что вообще происходит в мировом богословии, что происходит в богословии западном — протестантском и католическом, присматривался и к тому, что происходит в православном богословии, в том числе в Западной Европе, в Париже. Меня стала беспокоить одна мысль: мне показалось, что христианское богословие попадает в плен светской мысли. Сначала я подумал – нет, почудилось. А потом стал внимательно читать тексты и понял –

да, реально существует колоссальная опасность: христианское богословие попадает в плен светской мысли, причем этот процесс пленения христианского богословия на Западе оказался далеко не безобидным. Это не было просто философским заимствованием какой-то светской идеи и перенесением ее на христианскую почву – это было бы полбеда, здесь еще можно было бы разобраться. Когда на грядке появляются сорняки, то видишь, где хорошие растения, а где — сорняки; грядку можно просто прополоть. Здесь совсем не так. Здесь происходила диффузия, проникновение светских идей в ткань богословской мысли настолько глубокое, что на выходе появлялся очень недоброкачественный продукт. Я имею в виду огромное влияние на западное христианское богословие идей эпохи Просвещения и философских идей либерализма.

Собственно говоря, в эпоху Просвещения светский разум, светская философия, в том числе политическая, были направлены на борьбу с Церковью, потому что Церковь представлялась частью системы угнетения. Люди ставили перед собой задачу бороться с тиранами, с тиранией, под которой подразумевалась монархия и Церковь. Но невозможно было просто прийти к верующим людям и сказать: мы хотим демонтировать монархию, мы хотим демонтировать Церковь. Нужно было вдохновить людей на все эти деяния, ведь революции всегда совершаются руками простых людей. Нужна была какая-то ясная идея, и вот она появилась – идея свободы, идея человеческих прав. Человек сам по себе хорош, как писал Дидро; он рождается чистым и светлым, и вся общественная система должна быть устроена так, чтобы этот чистый белый лист никто со стороны не замарал. Дайте человеку свободно развиваться, снимите с него эти убивающие его свободу факторы, освободите его от тирании государственной и духовной, раскрепостите его внутреннее светлое начало, дайте ему возможность образования, и он будет творить чудеса.

Эта эпоха окончательно поставила человека в центр мира, хотя все началось немного раньше, в эпоху так называемого Ренессанса, когда человек был поставлен в центр – не Бог, а человек. И как были подхвачены эти идеи – равенство, братство, свобода! Голова закружилась! Сколько было разрушено храмов и монастырей при реализации этих идей! Сейчас едешь по Франции и видишь руины – замечательные монастыри, которые были полностью уничтожены, кафедральные соборы, которые так и стоят разрушенными в память о той эпохе...

В сознании людей происходило очень активное восприятие этих либеральных постулатов. Собственно, последующая история лишь развивала эти основные идеи эпохи Просвещения, включая эти идеи и в философию, и в политическую практику, и, что самое интересное – в богословие.

Протестантское богословие начало обслуживать эти идеи. а потом и католическое к этому присоединилось, и о богословах, церковных деятелях на Западе стали судить следующим образом: консерватор он или прогрессист? Вот такие клише были выдуманы и до сих пор существуют. Если ты прогрессивный, ты обязательно своим богословием поддерживаешь

философию эпохи Просвещения, а если консерватор, то не поддерживаешь. Но консерватор – это плохо, а прогрессист – хорошо.

Я задумался над этой темой, и размышления стали выводить меня вот на какие мысли и идеи: а собственно, как можно говорить о человеке, что он после рождения свят? Как можно говорить, что достаточно лишь не мешать ему, и он сам разовьет в себе все эти добрые начала, сам раскрепостит себя? А первородный грех? Разве природа человека при рождении свята? Если человек рождается с первородным грехом и вы ему даете все возможности раскрепостить свое внутреннее начало – разве это не путь к раскрепощению греха? Подумалось еще вот о чем: а где вообще в либеральной философии идея греха? Ее нет; есть иная идея – каждый человек автономен, каждый человек создает свою систему ценностей. Он автономен от Бога, он автономен от других людей, он создает свою собственную систему ценностей.

Но если нет различия между грехом и святостью, то, наверное, нет различия между правдой и ложью. Чтение современных философских текстов убедило меня в том, что именно так постмодернистская цивилизация представляет себе проблему добра и зла. Нет добра и зла, а есть плюрализм мнений. А если исчезает различие между добром и злом, то это уже апокалипсис.

Как-то, будучи ребенком, я спросил у папы: «Папа, говорят, что антихрист придет в конце. А как же в него народ поверит? Ведь антихрист – это зло. Что, он будет проповедовать убийство и воровство? Как же ему люди могут поверить, ведь всем ясно, что это зло?» Мне тогда папа не смог ответить, а теперь я отвечаю сам себе: да с легкостью поверит, если нет различия между добром и злом! Ведь еще совсем недавно никто помыслить не мог о том, что государством на законодательном уровне будут поддержаны однополые «браки», поставленные на один уровень с браками естественными! Могли ли мы, люди старшего поколения, 20 – 30 лет назад представить себе постановку такого вопроса? Но теперь это просто альтернативное поведение, это не грех, как и нарушение семейной верности. Почему разрушаются семьи? Да потому что не грех все это, а удовольствие – если два человека решили доставить друг другу удовольствие, что же в этом плохого? Понятия о грехе нет, и значит, любое альтернативное поведение законно, но при одном условии: оно не должно мешать другим людям выражать их собственную свободу.

В значительной мере богословие XIX-XX веков на Западе было ориентировано на поддержку либерализма. Конечно, ни один богослов не говорит прямо, что не надо делать различия между добром и злом, но либеральное, так называемое прогрессивное богословие отторгает сознание людей от Предания Церкви, в котором ясно содержится вся христианская аксиология и нравственность, и переориентирует это сознание на светские ценности.

Первые свои статьи, в которых ставилась эта проблема, я написал в 1999 году, и должен сказать,

что одни люди отреагировали на них очень болезненно, а другие (кстати, на Западе) – с большим интересом. И я начал со своими коллегами, которые меня поддержали в Отделе внешних церковных связей, развивать эти мысли, обсуждать их на разных международных встречах. Иногда мы говорим, что межхристианская деятельность помогает нашей Церкви свидетельствовать о Православии; вот это и было нашим свидетельством. Должен вам сказать, что мы сталкивались с критикой и непониманием и со стороны православных богословов.

Когда вся эта работа, проведенная группой людей, которые тогда работали в ОБЦС, была в теоретическом плане обобщена, тогда и возникла идея принять Основы социальной концепции Русской Православной Церкви, вложив в этот документ православное понимание истории, нравственности, свободы. Затем работа продолжилась дальше и закончилась принятием в прошлом году документа об Основах учения Русской Православной Церкви о правах человека и достоинстве личности.

Это абсолютно новаторский документ, это абсолютно новый вклад в мировое богословие, который актуализирует нормы христианского Предания, делает их понятными для современного человека. В этом документе не отрицается человеческая свобода – как ее можно отрицать, если Бог сотворил человека свободным? В этом документе не отрицается положительное значение человеческих прав, потому что когда свобода поприается, ее надо защищать. Люди не могут превращаться в рабов, они должны сохранять в том числе свое собственное достоинство. Но достоинство – это нравственная категория, и потому не может быть свободы без сопряжения с нравственностью, не может быть свободы без нравственной ответственности. Если человек будет свободным, но одновременно способным нравственно ориентировать свое поведение в соответствии с той системой ценностей, которая предлагается сокровищницей церковного Предания, – вот тогда мир станет другим.

Я привел вам два примера – святоотеческий пример того, как нужно использовать светскую философию и светскую культуру для богословского творчества, и пример того, как категорически нельзя заимствовать философские идеи, чуждые Божественному Откровению. Ни в коем случае нельзя идти по пути конформизма, пытаюсь соединить несоединимое, поэтому подлинное богословие всегда требует мужества.

Я вспоминаю, как в трудные для нашей Церкви советские времена мы встечались с западными богословами и они, глядя сверху вниз, говорили: «Мы вас призываем к мужественному пророческому служению. Выступите против своей власти!». Мы знали, что в то время означало выступить против власти. Это означало закрыть людям возможность причащаться Святых Христовых Таин, крестить своих малышей; это означало в то время разрушить маленькие островки духовной жизни.

А вот теперь мы обращаемся к этим богословам: «Выступите против господствующей либеральной модели общества! Скажите правду о грехе, осудите однополые "браки"!». Нет. Глаза опускают вниз. Те, кто стал адептом всех этих идей, с нами не соглашаются, пытаются бороться, но не выдвигают ни одного аргумента, на который мы не могли бы ответить. Пустота все это, звон. Настолько сегодня православное свидетельство сильнее все этой политизированной мишуры!

Поэтому быть богословом, священником, иерархом – значит всегда быть мужественным человеком. Это не дело слабых. Физически мы можем быть слабыми, но духовно мы должны быть очень сильными. Потому что на протяжении всех двух тысяч лет своего существования Церковь Христова призвана только к одному: свидетельствовать о правде Божией, и это свидетельство никогда не бывает легким – ни во времена Римской империи, ни в эпоху святых отцов, ни в те тяжелые времена, которые мы вместе с вами пережили, ни сегодня. Святые отцы, соединяя светскую ученость с богословием, сформировали некий синтез. Знаменитый богослов протоиерей Георгий Флоровский назвал его патристическим синтезом. Он мечтал о появлении нового патристического синтеза, мечтал о том, чтобы современное поколение богословов научилось сопрягать внешнюю светскую культуру с богословским творчеством, чтобы богословское творчество было способно эту культуру оплодотворять, чтобы актуальными были слова Церкви. Моя молитва и моя надежда на то, что эта мечта отца Георгия Флоровского осуществится при нашей с вами жизни.

Источник: <https://mospat.ru/ru/news/58758/>